

Д. Ю. Хоменко

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПРЕСТУПНИКОВ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматривается доля участия различных социальных слоев и этносов в преступной деятельности в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Данный вопрос ранее не становился предметом специального научного изучения. Отмечается снижение роли уголовной ссылки в криминализации губернии. Автор указывает на наличие как моноэтнических, так и полиэтнических преступных сообществ в губернии. Конокрадство признается наиболее массовой формой организованной преступности. Для конокрадства была характерна полиэтничность участников.

Ключевые слова: *организованная преступность, Енисейская губерния, социально-этнический состав преступников, этническая преступность, уголовная ссылка, конокрадство.*

Вопросы преступности, формирования и деятельности организованных преступных сообществ были и остаются актуальными во все времена. В начале XX в. в Сибири наблюдался разгул организованной преступности. Однако вопросы количественного и качественного состава преступников в Енисейской губернии пока что не становились предметом специального исследования. В дореволюционной литературе вопросы преступности рассматривались С. Л. Чудновским [1, с. 175–181] и Н. В. Латкиным [2, с. 300–310] в общих работах, характеризующих положение губернии. Отмечая сложную криминогенную обстановку в губернии, они справедливо связывали ее с существованием института уголовной ссылки. Советские историки (М. Б. Шейнфельд, П. Н. Мешалкин [3, с. 32]) стремились связать преступность с классовой борьбой. В современной историографии появляются работы, посвященные организованной этнической преступности в Восточной Сибири (А. А. Сысоев [4], Г. А. Макурина [5, с. 79]). Таким образом, дореволюционная преступность в Енисейской губернии представляется недостаточно изученной. В частности, в указанных и иных работах не рассматриваются вопросы этнического состава преступников, а социальный состав преступников изучен только для второй половины XIX в. Проблемой настоящего исследования является динамика изменений в социальном и этническом составе преступников в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Целью исследования является изучение динамики изменений в социальном составе преступников и степени участия представителей различных этносов в преступной жизни губернии в указанный период.

В основе исследования лежат архивные материалы правоохранительных органов, отложившиеся в государственных архивах Красноярского края и Иркутской области. Данные источники представляются достаточно репрезентативными для изуче-

ния заявленной темы, поскольку в них отложилась информация об особенностях формирования и деятельности организованных преступных сообществ на территории Енисейской губернии.

Социальный состав преступников во второй половине XIX в. характеризовался высокой долей ссыльных среди лиц, совершавших преступления на территории Енисейской губернии. Так, в 1873 г. 39,4 % осужденных за преступления, совершенные на территории Енисейской губернии, были ссыльными. На втором месте находились крестьяне (23,5 %) [1, с. 178]. К 1878 г. ситуация изменилась: на долю крестьян приходилась уже половина преступлений в губернии, а ссыльные остались практически на том же уровне – 35 % преступлений [подсчитано по: 6, л. 27]. К концу XIX в. количество ссыльных, совершивших преступления в регионе, в процентном отношении уменьшилось: в 1889 г. крестьян среди преступников было 58,8 %, а ссыльных – 17,4 % [подсчитано по: 2, с. 303–305]. Эта тенденция сохранилась и в начале XX в.: в 1905 г. – 59,4 % крестьян, 19,4 % мещан и 18 % ссыльных [подсчитано по: 7, прил. 5]. Таким образом, на протяжении последних двух десятилетий XIX в. роль уголовной ссылки в криминализации Енисейской губернии заметно снизилась.

Новым явлением для преступной жизни Восточной Сибири в начале XX в. стало широкое распространение организованной преступности. Участились случаи грабежей и разбойных нападений. В регионе появились банды, сформированные по этническому принципу. Банды создавались ссыльными, в большинстве случаев выходцами из Кутайской губернии. Внутри них существовала иерархия и распределение обязанностей [4]. К борьбе с ними были привлечены местные жандармы. Были выявлены связи между преступными сообществами различных губерний Сибири с центром в Иркутске. Для пресечения их деятельности в ночь на 18 декабря 1913 г. по всей Восточной и части За-

падной Сибири, а также на Дальнем Востоке были произведены аресты 332 кавказцев, из них в г. Иркутске 112 человек, в Иркутской губернии – 106 человек. Однако Енисейскую губернию эта операция не коснулась: жандармам не удалось установить связи местных преступников с соседними регионами [5, с. 79]. Данные меры следует признать экстраординарными, показывающими как особую остроту проблемы, так и недееспособность сибирской полиции в борьбе с бандитизмом. Надо отметить, что даже эти меры не принесли желаемого результата: около сотни арестованных были отпущены в первые же дни за отсутствием улик, а в 1915 г. полицейские вновь отмечали существование большой шайки, состоявшей из грузин, действовавшей на территории Восточной Сибири [4].

Изучение уголовных хроник, сохранившихся в фонде Енисейского губернского жандармского управления за начало XX в., показало, что для Енисейской губернии в начале XX в. также был характерен рост организованной преступности, что проявлялось в частых разбойных нападениях на дорогах губернии. Как правило, такие нападения долго оставались нераскрытыми либо не раскрывались вообще. В связи с этим представляется невозможным привести точную статистику по национальному составу организованной преступности. Встречались как моноэтнические, так и интернациональные банды. Примером интернациональной банды является преступное сообщество, члены которого были арестованы в феврале 1909 г. в г. Енисейске. Его членами были трое татар, двое русских и двое прибалтов (судя по фамилиям) [8, л. 103–104].

Примером моноэтнического преступного сообщества может служить банда, совершавшая разбойные нападения на дорогах губернии. Третьего июня 1914 г. в 6 верстах от г. Ачинска эта банда, после неудачной попытки разбойного нападения, была настигнута полицией и военными 29 Сибирского стрелкового полка. В перестрелке выжил только один разбойник. Согласно обнаруженным документам, все они оказались грузинами из «Кутайской губернии» (так в тексте, вероятно – Кутаисской. – Д. Х.) [9, л. 202–203]. Как выяснило следствие, их «снабжал провизией проживающий в г. Ачинске крестьянин из ссыльных Покровской волости Н. Н. Курцикидзе» [9, л. 215]. Надо полагать, что последний был не только снабженцем, но и наводчиком.

Одним из самых массовых видов организованной преступности в Енисейской губернии было конокрадство. Борьба с ним осложнялась существованием организованных группировок, которые запугивали крестьян и мстили им за обращения в полицию. В Ирбейской волости Канского уезда в начале XX в. сложилось преступное сообщество из

числа поселенцев, татар по национальности, водворенных в деревни вдоль р. Кан. Надо полагать, что причинами организации данного преступного сообщества стал не только национальный фактор, но и социальный: все татары были уголовными ссыльными. Национальность, язык и религия только подчеркнули отличие ссыльных от русских крестьян-старожилов. Как правило, крестьяне, обнаружившие пропажу лошади, обращались не в полицию, а к татарам, которые за выкуп возвращали им лошадей. В марте 1901 г. в волостном правлении звучали призывы: «проучить татар» и «вывести всех конокрадов» [10, л. 36]. Такое смешение лозунгов показывает, что постепенно в сознании крестьян понятия «конокрад» и «татарин» стали синонимами.

Сами татары-конокрады вели себя вызывающе по отношению к русскому населению. В марте 1901 г. на сходе крестьян д. Козелы один из них заявил, что он «вместе с другими татарами сделает с ними (крестьянами) что захочет», а другой поддержал его словами: «Вы работайте, а мы как водили лошадей, так и будем их водить» [10, л. 36–36 об.]. Реакция крестьян не заставила себя долго ждать: в начале апреля 1901 г. в части Ирбейской волости произошел татарский погром. Он затронул следующие населенные пункты: деревни Козел (5 апреля), Александровскую (5 и 6 апреля), Приречную (6 и 7 апреля), Юдино (7 и 8 апреля), село Ирбейское (7 апреля), выселки Подкояшки и Притычной (8 апреля).

Ход погрома описан в следственных документах следующим образом: крестьяне «толпами вторгались в жилища татар-поселенцев, живших среди них, производили разгром и расхищение их имущества, подвергали их побоям и истязаниям и многих из них лишили жизни» [10, л. 36]. Вместе с предполагаемыми конокрадами крестьяне избивали и убивали их жен и детей. Например, в выселке Подкояшки крестьянами д. Козел совместно с новоселами из близлежащих переселенческих участков были убиты известный конокрад с женой, сыном и тремя дочерьми [10, л. 37 об.].

В ходе погрома в деревне Александровской было убито два чеченца [10, л. 32 об., л. 38 об.]. Для должностных лиц национальность убитых не имела большого значения, так как в материалах дела чеченцы иногда фигурируют как «черкесы». Надо полагать, что и для русских крестьян конфессиональный и социальный факторы были важнее национального: «черкесы» были убиты потому, что исповедовали одну религию с татарами (ислам) и были поселенцами. Из материалов дела неясно, были ли убитые чеченцы конокрадами или «попали под горячую руку». Однако если они состояли в организации конокрадов, то этот факт показывает,

что татары приняли в свою среду иноэтничных членов, которые при этом исповедовали ту же религию и обладали одинаковым с ними социальным статусом.

Ситуация с конокрадством была сложной и в Минусинском уезде. Вице-губернатор В. Н. Соколовский в своем докладе от 1903 г. отмечал, что конокрады организовывались в шайки, в которых существовало разделение обязанностей: одни осуществляли кражи, другие занимались сбытом скота, третьи предоставляли услуги местному населению по розыску и возвращению лошадей за выкуп и т. д. Как и в Канском уезде, крестьяне в случае пропажи скота предпочитали выкупать похищенное, а не обращаться к властям. В некоторых деревнях крестьяне специально нанимали в пастухи заведомого конокрада в надежде, что он «не будет уже посягать на вверенный ему табун» [11, л. 5]. В. Н. Соколовский указывал, что и Ачинский уезд «страдает под гнетом того же общего зла», а так же отмечал, что «нередки случаи обмена между конокрадами того и другого (Ачинского и Минусинского. – Д. Х.) уездов похищенных ими лошадей» [11, л. 7 об.].

По указанию Иркутского генерал-губернатора В. Н. Соколовским были собраны от крестьян и «инородцев» Минусинского уезда сведения о предполагаемых конокрадах. Всего по приговорам обществ было выявлено 775 конокрадов, из них – 339 «инородцев», 293 крестьянина, 128 ссыльных и 15 мещан. При этом «плотность» конокрадов была выше в среде хакасов: численность конокрадов-хакасов составила 143 и 158 человек в Абаканской и Аскизской инородных управах соответственно. В русских волостях этот показатель был значительно ниже: от 31 в Новосёловской и Абаканской до 138 в Шушенской (в среднем 52,6 конокрада на волость) [11, л. 278–279]. Более широкое распространение конокрадство среди хакасов по сравнению с русскими объясняется тем, что основным видом их хозяйственной деятельности было табунное скотоводство. В деле нет прямых указаний на существование совместных шаек русских и хакасов, однако можно предположить, что таковые имели место быть: конокрады разных волостей и даже уездов

(см. выше) находились в тесном контакте, постоянно обменивались краденными лошадьми. Вообще во взаимоотношениях хакасов и русских в изучаемый период наблюдается взаимовыгодное хозяйственное сотрудничество [12, с. 398], поэтому неудивительно, если бы оно распространилось и на криминальную сферу. Обращает внимание, что в Минусинском уезде (в отличие от рассмотренной выше Ирбейской волости Канского уезда) конокрадство было распространено среди «законнослушных» слоев населения: доля ссыльных в числе конокрадов составляет 16 %. Эти данные вполне соответствуют тенденции к снижению роли ссылки в криминализации губернии.

Результатом доклада В. Н. Соколовского стало выдворение в Туруханский край в административном порядке 67 конокрадов-рецидивистов из числа крестьян Минусинского уезда [11, л. 927]. Эту меру следует признать экстраординарной, что показывает неспособность сибирской полиции и администрации решить данную проблему.

С высылкой рецидивистов конокрадство, конечно, не было ликвидировано, как и не исчезла преступность в Восточной Сибири после жандармской операции 1913 г. В советской историографии отмечалось, что конокрадство являлось распространенной формой «классовой борьбы хакаской бедноты против эксплуататорской верхушки» [3, с. 32]. Думается, что этот вывод не вполне соответствовал действительности, так как от деятельности конокрадов страдало все население, вне зависимости от национальности и благосостояния.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XIX – начале XX в. национальный и социальный состав преступников в Енисейской губернии менялся: снижалась роль уголовной ссылки в криминализации губернии. При организации преступных сообществ в Енисейской губернии имели значение различные факторы: этнический, конфессиональный, социальный. Моноэтнические группировки не были в губернии столь распространенным явлением, как в остальной Восточной Сибири. Для самого масштабного вида преступности – конокрадства – была характерна полиэтничность участников.

Список литературы

1. Чудновский С. Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). Томск: Типография «Сибирской газеты», 1885. 197 с.
2. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее: очерк. СПб: типография и литография В. А. Тихонова, 1892. 466 с.
3. Мешалкин П. Н., Шейнфельд М. Б. Революционное движение на юге Енисейской губернии в 1905–1907 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1977. С. 18–35.
4. Сысоев А. А. Криминальные сообщества Восточной Сибири в начале XX столетия: особенности профессионализации и становления организованных структур // Сибирская заимка: история Сибири в научных публикациях [Интернет-портал]. URL: <http://zaimka.ru/sysoev-crime/> (дата обращения: 14.07.2013).

- Макурина Г. А. Участие органов политического розыска Сибири в ликвидации преступных грабительских групп в 1913 г. // Известия Алтайского государственного университета, 2008. Вып. 4. Т. 1. С. 77–81.
- Отчет Енисейского губернатора за 1878 г. // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. К. 2046. Д. 315.
- Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. Красноярск: Ен. губ. типография, 1907. XII, 80, 51 с. Приложения.
- Рапорты и донесения полицейских о происшествиях по Енисейской губернии за 1909 год // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 1447.
- Донесения полицейских об уголовных происшествиях в Енисейской губернии за 1914 год // ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1472.
- Дело по обвинению 49 крестьян Енисейской губернии Канского уезда Ирбейской волости деревни Козелы в разгроме и расхищении имущества татар-поселенцев, подозревавшихся в конокрадстве // ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1784.
- О выселении конокрадов Минусинского уезда // ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 105.
- Хоменко Д. Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник КГПУ. 2012. № 4. С. 396–402.

Хоменко Д. Ю., преподаватель общественных дисциплин.

Красноярский медицинский техникум.

Ул. Инструментальная, 12, Красноярск, Россия, 660014.

E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23.11.2015.

D. Yu. Khomenko

SOCIAL AND ETHNIC STRUCTURE OF CRIMINALS IN THE ENISEI REGION: SECOND HALF OF THE 1800S – EARLY 1900S

The article examines the share of various social strata and ethnic groups in criminal activities in the Enisei region in the second half of XIX – early XX centuries. This question has not previously been the subject of a special scientific study. During the second half of the XIX century the role of criminal deportation in the criminalization of the Enisei region significantly reduces: every year a growing number of crimes were committed by not criminal exiles, but by representatives of law-abiding segments of the population. At the beginning of XX century Eastern Siberia faced the problem of organized criminality. In particular the activity of ethnic gangs. However, in the Enisei region this type of criminality was less distributed than in neighboring regions. The most widespread form of organized criminality should be recognized horse stealing. Communities of horse thieves in Minusinsk district were polyethnic. Horse-stealing's gang in Kansk district was formed with several factors: ethnic, social, religious.

Key words: *organized crime, Enisei region, social and ethnic structure of criminals, ethnic crime, criminal deportation, horse-stealing.*

References

- Chudnovskiy S. L. *Eniseyskaya guberniya k trekhstoletnemu yubileyu Sibiri (statistiko-publitsisticheskiye etyudy)* [Enisei region tercentenary anniversary of Siberia (statistical and economic studies)]. Tomsk, Tipografiya "Sibirskoy gazety" Publ., 1885. 197 p. (in Russian).
- Latkin N. V. *Eniseyskaya guberniya, eye proshloye i nastoyashcheye: ocherk* [Enisei region, its past and present: historical description]. St. Petersburg, tipografiya i litografiya V. A. Tikhonova Publ., 1892. 466 p. (in Russian).
- Meshalkin P. N., Sheynfeld M. B. *Revolutsionnoye dvizheniye na yuge Eniseyskoy gubernii v 1905–1907 gg.* [The revolutionary movement in the South of the Enisei region in 1905–1907]. *Voprosy istorii Khakasii* [The history of Khakassia]. Abakan, KhakNIYALI Publ., 1977, pp. 18–35 (in Russian).
- Sysoyev A. A. *Kriminal'nye soobshchestva Vostochnoy Sibiri v nachale XX stoletiya: osobennosti professionalizatsii i stanovleniya organizovannykh struktur* [Crime communities of Eastern Siberia in the early XX century: features of the professionalization and formation of organized structures]. *Sibirskaya zaimka: istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh* [Siberian Zaimka: History of Siberia in scientific publications] (in Russian). URL: <http://zaimka.ru/sysoev-crime/> (accessed 14 July 2013).
- Makurina G. A. *Uchastiye organov politicheskogo rozyska Sibiri v likvidatsii prestupnykh grabitel'skikh grupp v 1913 g.* [Participation of bodies of political investigation of Siberia in the elimination of predatory criminal groups in 1913 year]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*, 2008, vol. 1, no. 4, pp. 77–81 (in Russian).
- Отчет Енисейского губернатора за 1878 г. [The report of Enisei Governor for the 1878 year]. Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti [State Archive of Irkutsk Region], F. 24, op. 9, k. 2046, 315 unit (in Russian).
- Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1907 g.* [The memorial book of Enisei region for the year 1907]. Krasnoyarsk, Eniseyskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1907. 80, 51 p. (in Russian).

8. Raporty i doneseniya politseyskikh o proisshestiyyakh po Eniseyskoy gubernii za 1909 god [The reports of the police about incidents in the Enisei region for the year 1909]. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya* [State Archive of Krasnoyarsk Region]. F. 827, op. 1, 1447 unit (in Russian).
9. Doneseniya politseyskikh ob ugovolnykh proisshestiyyakh v Eniseyskoy gubernii za 1914 god [Police reports on criminal incidents in Enisei region for the year 1914]. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya* [State Archive of Krasnoyarsk Region]. F. 827, op. 1, 1472 unit (in Russian).
10. Delo po obvineniyu 49 krest'yan Eniseyskoy gubernii Kanskogo uyezda Irbeykskoy volosti derevni Kozely v razgrome i raskhishchenii imushchestva tatar-poselentsev, podozrevavshikh v konokradstve [The case against 49 peasants of Enisei region Kansk uyezd Irbeykskoye parish village Kozily in the defeat and plunder of the property of the Tatar settlers suspected of horse-stealing]. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archive of Irkutsk Region]. F. 245, op. 1, 1784 unit (in Russian).
11. O vyselenii konokradov Minusinskogo uyezda [About the eviction of horse thieves in Minusinsk district]. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya* [State Archive of Krasnoyarsk Region]. F. 595, op. 29, 105 unit (in Russian).
12. Khomenko D. Yu. Mezhetnicheskiye otnosheniya mezhdru korennyim i russkim naseleniyem na yuge Eniseyskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Ethnic relations between the indigenous and the Russian population in the South of the Yenisei province (second half of XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im V. P. Astafyeva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 2012, no. 4, pp. 396–402 (in Russian).

Khomenko D. Yu.

Krasnoyarsk Medical Colledge.

Ul. Instrumentalnaya, 12, Krasnoyarsk, Russia, 660014.

E-mail: khomenko_denis@mail.ru